

«Не хочу...» — в сердце Глории словно полыхало пламя.

Будто она воочию видела, как мачеха и сводные сёстры глумятся над её телом: они были бы безмерно рады, что она ушла из того дома, а потом отобрали бы её отца, её дом, всё, что ей принадлежало.

«Но я не могу им противостоять...» — Глория чувствовала гнев, однако не могла им противостоять и не могла выгнать их из своего дома, потому что отец их очень любил.

«У людей в поступках всегда есть самые разные цели, — глядя на исполненную надежд девочку, сказал Сюй Юань. — Если ты сумеешь разобраться в их целях, то поймёшь, что каждый их шаг служит их достижению. Когда ты узнаешь, чего они хотят, ты сможешь в известной мере избежать того, чтобы идти по их дороге».

«Цели? — Глория размышляла. — Они меня не любят».

«Они хотят подавить тебя душевно, мало-помалу сделать так, чтобы твой отец тебя невзлюбил, счёл тебя плохим ребёнком, которого нужно воспитывать, а затем завладеть тем домом и всем, что у тебя есть, — с улыбкой произнёс тот ласковый голос. — Если взглянуть с этой стороны, разве их приёмы не становятся ясными?»

Даже грубыми. Но против ребёнка, рано потерявшего мать, они были вполне действенны — особенно когда её опекун относился к ней не так уж внимательно.

«Да», — душа Глории была потрясена.

Те переживания, что когда-то делали её беспомощной, теперь словно предстали перед ней со стороны: они разыгрывали свои роли, и каждый их шаг отдалял её от отца.

Возможно, именно от этого потрясения боль в сердце, напротив, сильно уменьшилась.

«Но даже если я останусь в том доме, разве я смогу им чем-то помешать?» — Глория всё ещё не понимала, отчего у них такие злые сердца.

«Помешать можешь. Вот если твой отец принесёт домой четыре яблока, то каждому из вас достанется по одному. Но если отнять твою долю, то каждая из них получит ещё по трети, — тот ласковый голос разбирал вместе с ней их цели. — Яблоки — это лишь пример. То же самое с самой разной едой, с платьями».

«Разве не лучше, когда каждый получает поровну?» — Глория была потрясена и опечалена этим.

«Не у всех есть такая доброта, — сказал тот ласковый голос. — Особенно когда они обнаруживают, что можно бороться и не платить за это никакой цены, — тогда они становятся ещё хуже».

«Разве они не боятся попасть в ад?» — спросила Глория.

Тот ласковый голос тихо рассмеялся, и от этого девочка на миг смутилась: «Разве я сказала неправильно?»

«Людам всегда трудно думать о последствиях, которые наступят очень нескоро. Как ты не тревожишься о старости и смерти, с которыми столкнёшься лишь через десятки лет», — таков был его ответ.

«Вы правы», — Глория смогла это понять. Для неё это всё ещё было очень далеко. «Тогда как же мне сделать так, чтобы отец меня полюбил?»

Она усердно искала способ, но обнаружила, что сердце всё ещё ноет от отцовского выговора. От этого ей становилось обидно до слёз, и было даже трудно искать ту любовь, что исходила от отца.

Казалось, он больше её не любил.

«Хотя глаза и движения тоже могут передавать чувства, слова на самом деле самые прямые, — сказал тот ласковый голос. — Если можно, пусть они передают многое из твоих чувств и настроений. Пожалуйста, не скупись на слова любви».

«Как то, что Ванесса и другие говорят отцу? — спросила Глория. — Но мне кажется, в этом есть что-то фальшивое».

Они ведь не так уж любили её отца. Обычно они вовсе не были такими послушными — только при отце они притворялись.

«Но ведь они добиваются своего, разве нет? — с усмешкой произнёс ласковый голос. — И твоему отцу это очень нравится слушать, он даже испытывает душевную радость. А твоей любви не меньше, чем у них, но твой отец считает, будто её очень мало».

Глория растерянно сидела на месте. Её мысли претерпевали огромный перелом, отчего сердцу было немного больно и тревожно, но при этом она словно уже не была такой беспомощной, как прежде.

Приёмы, цели... Она не хотела примешивать всё это к любви. Но незаслуженный выговор причинял слишком много боли.

Возможно, это и вправду был способ, который стоило попробовать.

«Спасибо вам, господин эльф», — тихо сказала Глория.

«Не за что, — отозвался тот ласковый голос. Казалось, он откуда-то смотрел на неё, и прозвучало ласковое прощание: — До завтра».

«До завтра». — Девочка приподняла подол платья и медленно ушла.

Сюй Юань отвёл взгляд, перешагнул через ту изгородь и направился обратной дорогой.

«Разве это не способ заискивать?» — Маленькая кошка, устроившаяся у него на плече, подняла голову и спросила.

«Правильный порядок действительно таков: родители дают достаточно любви, а затем направляют ребёнка выражать любовь. Так постепенно и устанавливается всё более тесная связь, — глядя на солнечный свет, пробивавшийся сквозь тени деревьев, Сюй Юань погладил её по голове и, глядя на сощуренные в щёлочку глаза кошки, с улыбкой сказал: — Но для неё, пока она не способна жить самостоятельно, это самое действенное средство в одиночку иметь дело с теми, кто не исполняет своих обязанностей».

Человеческую любовь нужно выражать. Чем меньше её выражают, тем меньше её становится, и тем глубже становится разлад между людьми. Чувства нуждаются в поддержании — так у родителей и детей, так и у возлюбленных.

Люди склонны к отношениям, в которых обоим удобно. И мачеха как раз этим и пользовалась.

В долгих отношениях искренность очень важна, но без приёмов тоже не обойтись.

Послышался шум птичьих крыльев. Когда Сюй Юань протянул руку, изящная птица пронеслась сквозь свет и тень и плавно опустилась ему на палец. Она принялась оглядываться по сторонам, очень живо раскрыла клюв, и из него донёсся приятный, чуть насмешливый голос юноши: «Дорогой господин Бранд, пора домой ужинать».

«Дорогой лорд Эмед, сейчас вернусь». — Сюй Юань легонько коснулся раскрытого клюва. Когда он взмахнул рукой, птица расправила крылья и взмыла высоко, пронеслась сквозь свет и тени между кронами и полетела к недалёкому дому.

Она летела очень быстро. Не успел Сюй Юань пройти вслед за ней и нескольких шагов, как увидел юношу, который вышел из дверей и, прислонившись, смотрел в его сторону.

«Твой „сейчас“ и вправду наступил быстро». — Юноша стоял там, скрестив руки, приподняв

бровь, и уголки его губ слегка изогнулись в улыбке.

«Мне хотелось тебя увидеть, потому я и поспешил вернуться», — подойдя ближе, с улыбкой сказал Сюй Юань.

«Хм...» — Юноша издал короткий звук, но скорость, с которой двигались его пальцы, стала куда выше, чем прежде. «Там всё улажено? Она сегодня ещё плакала?»

«Ещё плакала. Её отец, возможно, отчитал её, и это привело её в отчаяние. Но она очень стойкий ребёнок». — Сюй Юань взял его за руку, легко поцеловал в чуть поджатые губы и, когда в тех зелёных глазах промелькнуло влажное, дрогнувшее движение, повёл его за руку в дом. «Не волнуйся, я буду за ней присматривать».

«Угу». — Эмед снова чуть поджал губы и, затворяя за собой дверь, сказал: «Тогда когда же я наконец вобью тех мерзавцев в землю?»

Сюй Юань обернулся к нему и с улыбкой сказал: «Не спеши. Скоро. Ты уже quite¹но пользуешься Роко».

«Конечно. Не смотри, что это не я дал ему имя». — Эмед приподнял уголки губ и взглянул на маленькую деревянную птичку, что, высунувшись, выглядывала из клетки. «Кстати, как ты тогда хотел её назвать?»

Об этом Эмеду всё же было любопытно.

«Точно хочешь знать?» — обернувшись, спросил Сюй Юань.

Русал кивнул.

«Деревяшечка», — с улыбкой сказал Сюй Юань.

«Потому что она сделана из дерева?» — Эмед, прищурившись, посмотрел на него.

Сюй Юань с улыбкой кивнул: «Разве не кажется, что так очень метко и легко запомнить?»

На миг Эмеду действительно показалось, что это и вправду метко и легко запомнить, но уже в следующее мгновение он выбросил эту мысль из головы и совершенно холодно произнёс: «Не кажется».

«Я тоже считаю, что имя, которое придумал ты, звучит лучше», — тихо рассмеялся Сюй Юань.

Русал легко моргнул, и в зелёных глазах на мгновение промелькнула растерянность и смущение, однако голос его чуть приподнялся: «Твое, в общем-то, тоже ничего».

«Спасибо», — с улыбкой сказал Сюй Юань.

«Не за что». — Русал, держа его за руку, повёл в столовую.

«По-моему, красавчик врёт, — высунулась кошка. — Имя „деревяшечка“ как ни послушай, не очень-то подходит».

«Это не ложь. Это любовь», — с улыбкой сказал Сюй Юань.

Когда оба исходят из искренности, то то, что называют приёмом, — всего лишь умение передать своё чувство.

Кошка разом получила целую порцию собачьего корма и тут же почувствовала, что поперхнулась, и даже не захотела оставаться в этом доме!

...

Когда Глория вернулась, она приподняла подол платья, осторожно перешагнула ступени и, стараясь ступать тихо, вошла в дверь дома, где прежде чувствовала себя так свободно. Она оглядывалась и, не увидев мачехи, сидевшей в гостиной, и играющих сестёр, с облегчением перевела дух.

Даже зная их цели, когда отца не было, она всё равно очень нервничала, потому что этот некогда уютный дом вдруг казался ей очень пустым, и только в её собственной комнате было по-настоящему безопасно.

Она тихо поднялась по ступеням лестницы, но, подойдя к двери своей комнаты, обнаружила, что та открыта, и оттуда доносились смех и хихиканье.

«О, мне это нравится!»

«По-моему, мне это так идёт. На той принцессе это и в сравнение не идёт со мной».

«Она совсем не умеет подбирать, просто зря переводит такие хорошие вещи».

«Дай мне примерить».

«Там же ещё есть?»

«Мне тоже нравится вот это».

Когда Глория подошла, она увидела, как две сестры открыли её шкатулку с украшениями и платяной шкаф и беззастенчиво роются там.

В это мгновение ей показалось, будто даже последнее безопасное место было кем-то захвачено, и это вызвало у неё гнев и ужас. Господин эльф был совершенно прав: они хотели завладеть её домом и всем, что у неё было.

«Что вы делаете?!» — Глория сжала кулаки и заговорила.

Две сестры, которые как раз выбирали украшения и платья, из-за этого шума остановились и обернулись, но обе лишь презрительно продолжили своё занятие.

«Мы просто увидели, что здесь есть красивые украшения».

«Столько одежды сестра всё равно не сможет переодеть. Я же тебе помогаю».

Они надменно вздёрнули подбородки, совершенно не обращая внимания на её присутствие, и даже прошлись обувью по брошенному на пол платью. Заметив её взгляд, они лишь совершенно небрежно сказали: «Ой, простите, я не заметила».

Она говорила это, но нога так и не сдвинулась с платья.

«Пожалуйста, уйдите из моей комнаты!» — с трудом дыша, сказала Глория.

Но её гнев вызвал у двух сестёр лишь презрительные насмешки: «Мы не уйдём. Что ты нам сделаешь?»

«Ха-ха-ха, ты что, вправду думаешь, что ты какая-то высокородная принцесса?»

«Тебе вообще не подobaет носить такие платья. Рано или поздно всё это будет нашим».

«Уйдите!» — Глория была глубоко уязвлена этими словами, потому что каждый их поступок истолковывал их цель.

Они хотели захватить её дом, всё, что у неё было, включая её отца.

Гнев переполнял голову Глории. Она не хотела, чтобы мама видела, как её так обижают!

«Не уйду!» — Ванесса, глядя на человека, который в ярости вошёл и стал её оттаскивать, закричала: «Что ты делаешь?!»

«Вон!» — Глория пыталась вытащить их из своей комнаты.

«Ты смеешь меня бить!» — Ванесса, тоже разъярённая, вцепилась ей в одежду и завопила: «Эдела, скорее помоги мне!»

«Ты посмела нас ударить!» — Эдела схватила Глорию за волосы сзади, и три девочки почти мгновенно сбились в один клубок.

«О, что там опять случилось?» — донёсся снизу небрежный голос Грейс, и в глазах Глории промелькнул испуг, а в глазах двух сестёр поднялось торжество.

«А!!!» — раздался вскрик боли вместе со звуком удара головы о край стола, и на мгновение вся сцена затихла.

«О, Боже мой, что вы делаете?!» — фигура Грейс появилась в дверях, но, разглядев картину, она в некоторой панике подошла ближе.

«Мама, она хотела нас побить!» — быстро подбежав к ней, сказала Ванесса.

«Мама, это она первая нас ударила, и только потом мы дали сдачи», — сказала и Эдела.

Но Грейс в этот миг было не до двух дочерей, которые выглядели невредимыми. Она смотрела на девушку, которая медленно подняла голову от края стола и показала багрово-синее пятно на лбу, и в её лице проступил ужас.

«О, Господи, что вы наделали?!» — Грейс в смятении подошла ближе и, глядя на след, который трудно было скрыть, растерянно заметалась. «Прости, Глория, они не нарочно».

Глория сидела на полу, прикрыв лоб рукой, и не могла сдержать слёз, но впервые увидела на лице мачехи такое смятение и испуг: «Они ворвались в мою комнату...»

«О, я заставлю их извиниться перед тобой. Эдела, Ванесса!» — обернувшись, с тревогой прикрикнула Грейс.

«Не буду. С какой стати мне перед ней извиняться!» — возмущённо сказала Ванесса.

«Я тоже не буду. Она же первая начала!» — сопротивлялась Эдела.

«Вы что, хотите, чтобы вас выгнали?» — Грейс приблизилась к двум дочерям, наклонилась и, понизив голос, с некоторой свирепостью произнесла: «Быстро!»

«Не хочу! Я ни за что перед ней не извинюсь!» — Ванесса тяжело дышала и тоже громко заплакала.

«Мама, ты несправедлива. Она же первая начала!» — Эдела прямо повалилась на пол, плача и капризная, вовсе не желая склоняться перед той, кого можно было безнаказанно обижать. «Ты же сама говорила, что её можно обижать как угодно!»

«Замолчи!» — услышав эти слова, Грейс не сдержалась и отвесила ей пощёчину. Но это не остановило её плача, а напротив, заставило рыдания разноситься по всему дому.

«Ладно, не плачьте! О, унесите их отсюда! Голова просто раскалывается». — Грейс отдала такой приказ слугам и в суматохе увела двух плачущих дочерей. Лишь перед самым уходом она бросила взгляд на Глорию, которая держалась за лоб, и закрыла дверь.

Дверь закрылась, и плач словно отрезало. Глория убрала руку от лба и молча обняла себя, тихо плача.

Она плакала и о том, что с ней случилось, и в то же время завидовала двум сёстрам: даже если они натворят бед, их мать всё равно их защитит. Так же, как когда-то, когда она плакала, мама всегда нежно её утешала.

Тихий плач всё не прекращался, будто во всём мире осталась только она одна. И неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем она услышала звук подъехавшей за окном кареты.

Отец, это вернулся её отец!

Глория подняла голову, с усилием поднялась с пола, переступила через слегка разбросанные по полу вещи и в полумраке открыла дверь спальни.

«О! Что здесь случилось?!» — удивился Азад, войдя в дом.

«Прости, дорогой. Сегодня у трёх детей вышла небольшая ссора, — с извинением в голосе сказала Грейс. — Это я вовремя не заметила».

«Как это так вышло?» — Азад посмотрел на двух детей и услышал шаги и зов с лестницы.

«Отец».

Девушка в слегка помятом платье, с лицом, залитым слезами, спустилась вниз. На её красивом, чистом лице виднелся очень серьёзный на вид багрово-синий след от удара, и Азад на мгновение нахмурился.

«Это сестра первая нас ударила!» — сказала Ванесса.

«Нет, это они ворвались в мою комнату...» — Глория попыталась подойти ближе, но в лучах заката, хлынувших из открытой двери, увидела на лицах и руках Ванессы и Эделы следы побоев.

Они выглядели так, будто их щипали и сильно били, и казались ужасными. От этих следов Глория не только изумилась — у неё даже дыхание перехватило.

«Папа, мы всего лишь хотели поиграть с сестрой, а она вытолкала нас и побила», — обхватив ногу Азада, Эдела подняла к нему маленькое лицо, покрытое следами побоев, и заплакала так, что всё лицо было в слезах.

«Папа, нас выгонят?» — так же плача, спросила Ванесса.

«О, нет, нет». — Азад погладил их по головам и посмотрел на свою дочь: «Глория!»

«Дорогой, это ведь просто маленькая ссора между детьми, — разжав крепко сцепленные руки, Грейс подошла и мягко успокоила его. — Пожалуйста, не ругай Глорию».

«Если я её не проучу, сегодня она может так избить двух сестёр, а завтра ещё неизвестно, какие злые дела выкинет, — разгневанно сказал Азад. — Не держи меня!»

«Это не я...» — сердце Глории сжималось, но она пыталась объяснить, хотела, чтобы отец ей поверил.

«Ударил человека и ещё не признаёшься? Разве их раны сами себя защищали?!» — Азад глубоко вздохнул, и в его глазах промелькнуло разочарование. «Глория, как ты стала такой? Ты меня слишком разочаровала!»

Он смотрел на неё таким холодным, разочарованным взглядом, будто она была чужой и скверной. И она снова словно стояла одна в стороне, снова чувствовала, будто вот-вот умрёт.

«Это правда не я...» — сердце у неё немело, в голове будто произошёл огромный удар, и она даже словно не могла управлять своим телом. «Правда не...»

Что ей делать? Цель, цель...

«В наказание сегодня не будешь ужинать! Хорошенько подумай над своим поведением!» — сдерживая дыхание, сказал Азад. «Иди в свою комнату!»

Он был так разгневан, но две сестры, прильнувшие к нему, обернулись и одарили её очень самодовольными улыбками, будто все вокруг смотрели на её унижение и отдаляли её от отца.

«Это они, это они ворвались в мою комнату...» — сдерживая боль в сердце и слёзы, сбивчиво говорила Глория. «Это они хотели подавить меня, сделать так, чтобы ты меня возненавидел, а потом отобрать тебя, отобрать всё, что у меня есть!»

Её слёзы покатались, и в suddenly ясном взгляде она увидела нахмуренное лицо отца и изумлённо-испуганное выражение мачехи.

«Как же так?» — Грейс, встретившись взглядом с Азадом, на мгновение запнулась. Её ногти почти впились в ладонь, чтобы с трудом сдержать своё волнение. «Я никогда так не думала. Я действительно очень люблю Глорию, мне так жаль, что в таком юном возрасте она лишилась матери...»

Её слова становились всё более гладкими.

«Возможно, она не может принять нас, думает, что мы отберём всё, что у неё есть, потому так и сопротивляется, — Грейс посмотрела на Глорию с нежностью. — Мне очень жаль, Глория, что у тебя возникли такие мысли. Впредь мы будем ещё внимательнее. Если тебе не нравится, мы просто уйдём отсюда».

Она выглядела крайне опечаленной, будто все её добрые чувства были попорчены.

«Мама, мы правда уйдём отсюда?!» — изумлённо заплакала Ванесса.

«Я не хочу уходить!» — на лице Эделы тоже появилось испуганное выражение.

«Не волнуйтесь, я не позволю вам уйти». — Азад от такой картины почувствовал головную боль. Он посмотрел на свою дочь и, думая о том, что она только что потеряла мать и потому противится всему, сказал: «Сегодняшнее дело на этом закончим. Глория, никто не хочет отобрать твои вещи или причинить тебе вред. Ладно, садимся есть. За день устал до смерти!»

«Скорее подавайте кушанья». — Грейс поспешно принялась распоряжаться. Она взяла из рук мужа плащ и передала слуге, красивым платком вытерла слёзы с лиц двух дочерей и мягко укорила: «Смотрите, что вы наделали: лица в ранах и слезах. Вытрите как следует, и только тогда можно будет сесть за стол».

«Да, мама». — Две дочери явно её слушались. «Мы правда не уйдём отсюда?»

«Да. Вытрите руки и садитесь ужинать вместе с папой». — Грейс поманила их и, выпрямившись, посмотрела на стоявшую в стороне девушку: «Глория, пойдём есть. Не ужинать вредно для здоровья».

На её лице была очень мягкая и красивая улыбка, но Глории она почему-то казалась страшной, будто от неё тянулась сеть и плотно-плотно окутывала её, так что никак нельзя было вырваться.

Ей не хотелось идти есть, потому что там наверняка было то, чего она не хотела видеть. Её отец любил её не так сильно.

«Папа сегодня устал!» — это был голос Ванессы.

«Потом пусть мама намажет тебе лекарство. Рана и вправду серьёзная, — с таким терпением говорил её отец. — В следующий раз не деритесь».

Они выглядели как настоящая семья. Глории не хотелось выражать отцу свою любовь, потому что ей было очень больно, и сердце пронизывала непрерывная тупая боль.

Но если отпустить всё как есть, он действительно будет отдаляться всё дальше.

Она должна защитить себя и не дать маме волноваться.

Слёзы хлынули из глаз. Глория, сдерживая кислую горечь, разлившуюся от сердца, подошла к обеденному столу и села. Когда взгляд отца обратился к ней, она заговорила: «Папа сегодня устал. Папа... я тебя люблю».

Её сердце болело так, что казалось, вот-вот умрёт, но она увидела изумлённое и смягчившееся выражение отца и изумлённо-некрасивые лица мачехи и сестёр.

<http://bllate.org/book/18299/2272241>